

Завтрак с режиссером

ПРО КИНО

Судя по событиям последнего времени, Ярославль и его окрестности уже стали Меккой для отечественных кинематографистов. В числе фильмов с ярославской натурой – «Полицейские и воры», «Мусорщик», «Вор», «Захват», «Общага». Прошлым летом Маргарита Терехова снимала «Чайку» на Плещеевом озере, в осенний сезон съемочной площадкой стала Карабиха (там проходили съемки картины «История одной болезни»). И вот новый визит – на днях в город прибыл один из самых успешных российских режиссеров последнего времени Георгий Шангелия. Он уже подарил поклонникам кино встречу с такими картинами, как «Русский бильярд», «Стрелец неприкаянный», «Классик», «Мусорщик». В ближайшие дни в Ярославле начнутся съемки новой картины «Неуправляемый занос». Сегодня Георгий Иванович ШАНГЕЛИЯ – наш собеседник. Разговор состоялся в самой непринужденной обстановке – за завтраком.

– Что про кино говорить? Вот сниму – увидите. Давайте я лучше объясню, почему я снимаю новую картину в Ярославле. Все равно ведь спросите. Я впервые сюда попал во время съемок «Мусорщика», и мне понравилась архитектурная история города. Потом я познакомился с потрясающими людьми – творческими, энергетически одаренными, которые хотят создавать. А если уж до конца честно, то меня просто вела судьба к ярославским актерам Юре Ваксману и Володе Гусеву. Еще в Москве была одна моя приятельница, выпускница Ярославского театрального института, посоветовала посмотреть их работу в спектакле «Моцарт и Сальери» – театр был тогда на гастролях в Москве. Я пообщался, но замолчал и забыл. Потом приехал сюда для выбора природы и вспомнил о своем намерении посмотреть спектакль. Признаюсь, я просто обалдел от увиденного. И тут же одну из ролей в «Мусорщике», на которую я хотел пригласить либо Олега Янковского, либо Олега Табакова, не раздумывая, предложил Гусеву. Ярославль стал для меня не просто городом, в котором сложились потрясающие человеческие отношения, – здесь все сплетается в один комок, складывается само собой то, что никак не складывалось раньше. Мне просто здесь везет. Когда я запустил в работу эту картину...

– Речь идет о «Мусорщике»?

– Да нет же. Это я уже о новом фильме говорю. Так вот, я пытался сознательно уйти от Ярославля и снять картину в маленьком провинциальном городке. У меня по сюжету история происходит именно там. Уехал за Кострому, километров 300 отсюда, посмотрел-подумал и понял: там это снять нереально. Ощущение такое: абсолютно убитая страна, которая заброшена и никому не нужна. И как бы я ни любил свою историю, ничего красивого в этой глубинке снять не смогу.

– «Неуправляемый занос» – это рабочее название?

– Нет, окончательное и обжалованию не подлежит. Хотя были разные шутки по этому поводу...

– Какие, например?

– Ну, рифмы разные нехорошие.

– Кто из известных актеров задействован в съемках?

– Сказать, что известные актеры, это будет не совсем правдой. Хотя, в общем, они известны. Актриса Мария Звонарева, она снялась у Прошкина-старшего в картине «Трио». За эту работу, к слову, она получила «Золотого Овна» в номинации «Лучшая женская роль». Второй главный герой – Петя Федоров. Актер молодой, ему всего 21 год, но за его плечами две серьезные работы – в боевике «а-ля Тарантино» и в фильме «101-й километр».

– А ярославские актеры?

– Могли бы и не спрашивать. Естественно, из малого драматического театра.

– А что это за театр у нас такой?

– Ну, где Ваксман и Гусев работают.

– А, так он называется камерный.

– Правда? Жаль. А как красиво звучит – малый драматический... Ну и пусть. Главное, чтобы актеры хорошие были. А они – хорошие.

– Георгий, отступите от своих принципов и скажите хоть пару слов о своей новой работе.

– Это мелодрама, история о любви... Вообще получается какая-то женская история. Вот я «Мусорщика» снимал как мужскую историю, а получилась в итоге женская. Съемки продлятся в Ярославле полтора месяца. Все. Больше не знаю, что говорить об этом фильме.

– Как вы относитесь к бесконечным сериалам, которые выпекаются со скоростью блинов?

– Хорошо отношусь. Современный сериал для актеров – это очень большая школа. Это обкатка для всех, для режиссеров и операторов в том числе. На Западе из сериалов люди

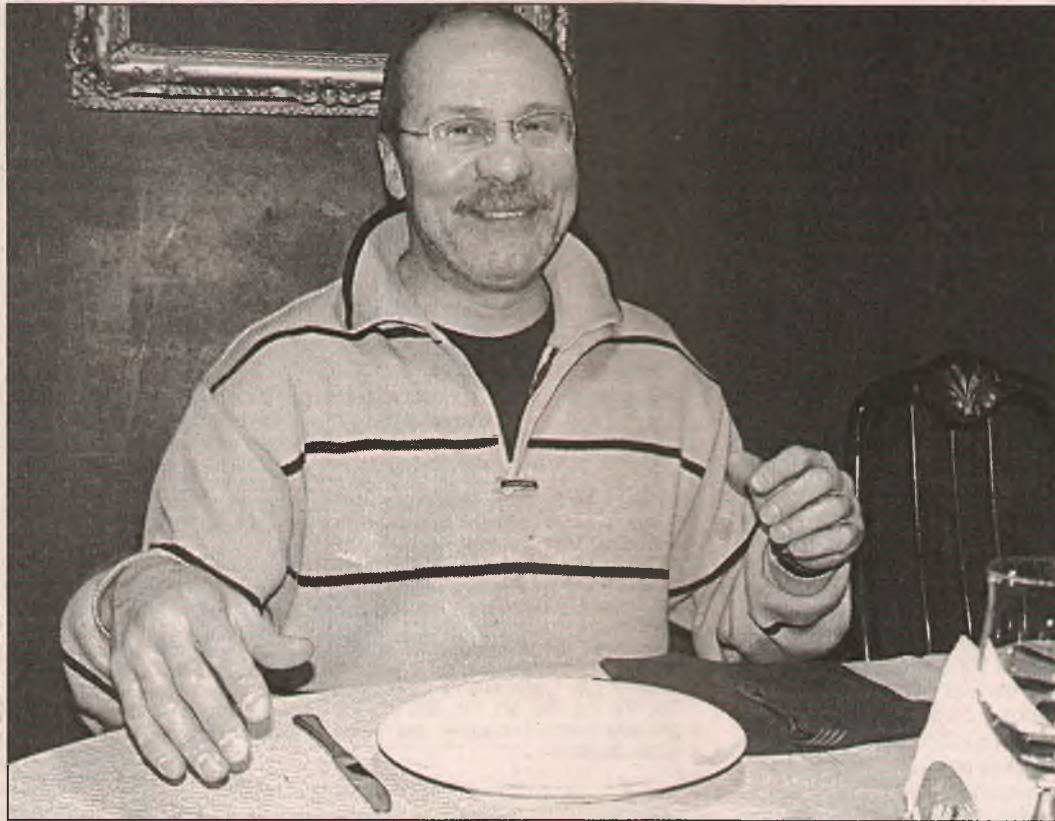

ФОТО ВЯЧЕСЛАВА ЮРАСОВА

выходят на большую дорогу, в кино. И потом, сериалы дают колоссальное количество рабочих мест. Раньше мы бегали за работой, сейчас она за нами. Если тебе не предлагают в год четыре-пять проектов, значит, с тобой что-то не так. Востребованность стала двухсотпроцентная. На режиссеров, операторов очередь выстраивается.

– Если все так замечательно, тогда почему возникла идея о квотировании зарубежного кино?

– Мы говорим о востребованности людей, занимающихся кинопроизводством вообще. А квотирование касается кинопроката. Телевизор и кино – это разные вещи. Идея квотирования возникла потому, что Россия, как и весь мир, смотрит американское кино. И якобы оно забирает все деньги, которые гипотетически предназначаются нашим. Это бред сивой кобылы. Еще в 85-м, на съезде кинематографистов, покойный Элем Климов говорил, что мы, мол, своими работами закроем культурную брешь. Он – великий художник, но забыл простую вещь: серьезные картины уже тогда никто не хотел смотреть. Сам Сталин смотрел американское кино в своих подвалах. Я вырос на «Мосфильме» и прекрасно помню все закрытые просмотры. Просто тогда американское кино было недосягаемым, а сейчас – пожалуйста. И теперь стало понятным, что бороться с коммерческим кино просто смешно. Вот скажите на милость, как можно бороться с «Властелином колец»? Ощущение, что это просто снято на другой планете. Хотя некоторые

российские картины выбиваются в прокате и дают желаемый результат тем, кто их продюсирует и «печет».

– Постоянно слышишь о том, что на всевозможных фестивалях наши российские фильмы завоевывают кучу призов. Но мы их не видим. Почему?

– Мы опять говорим о разных вещах. Фестивальное кино и коммерческое – это две большие разницы. Объясню почему. Фестиваль существует для того, чтобы продвигать кино, которое ближе к высокому искусству, а не к зрителю, уж извините. Хотя шедевры мирового кино сами себе пробивали дорогу, без фестивалей. К примеру, фильм, который получил «Золотую каннскую ветвь» и всем свернул мозги, «Криминальное чтиво». Ну, не получи он эту награду, он бы все равно свернул мозги. Это гениальное кино, говорю с полной ответственностью. Но я никогда не буду снимать такое кино, потому что не знаю, как это сделать. Как режиссер, я этого не понимаю, но как зрителя, оно меня трогает. Я снимаю традиционное кино, у меня мозги так устроены. Я каждый раз думаю, когда меня критики достают... Почему-то они меня сначала любят, потом начинают идти откат – «да нет, вроде ничего». Я хочу снять так, чтобы они от меня отстали. Снять именно для критиков. Так было с «Мусорщиком». Я думал, что его никто, кроме критиков, смотреть не будет. А потом они же мне и заявляют: «Гоша, ты опять сделал коммерческое кино». Я даже обиделся...

– Вы можете себе позволить снять кино только для критиков?

– Я? Я все могу. На самом деле это несложная задача.

– Как вы стали режиссером?

– Случайно. Я грубый, необразованный человек в отличие от многих моих друзей-режиссеров, которые очень образованы, но почему-то не снимают кино. Вот если бы вы меня спросили, кто ваш любимейший режиссер, я бы ответил: Чаплин. Вот он – это авторское кино. А если бы вы спросили, кто мой любимый автор, я бы ответил: Пушкин и Шекспир.

– Какая-то «петрушка» получается. Сами себе вопросы задаете, сами на них отвечаете. А про путь к режиссуре – ни слова.

– Я хотел стать профессиональным спортсменом. Был им по сути.

– В каком виде спорта?

– Пятиборье, карате, тяжелая атлетика.

– И когда вы все это успели?

– С шести лет начал заниматься. В 16 я уже преподавал карате – у меня ученики были в два раза старше.

– И как вас занесло из профессионального спорта в кино?

– Что такое профессиональный спорт? Это шесть дней в неделю тренировки, и в выходной лежишь трупом. Тогда мне это нравилось, потом – разонравилось. И я выбрал кино. Хотел быть актером. Не получилось. Я все поступал и поступал, после творческих конкурсов меня везде брали и брали. А я всеобща-

звательные предметы сдать не мог. Говорю же: я безграмотный человек – не мог написать сочинение. Плюнул и ушел в армию. Потом устроился на «Мосфильм», работал учеником столбара, осветителем, помощником режиссера... Я прошел через все ступени, все знаю, поэтому в том, что касается кинопроизводства, меня невозможно обмануть. Однажды к нам на практику пришли студенты из мастерской Марлена Хуциева. Подошли ко мне: «Вы что закончили?» «В каком смысле?» – спрашиваю. «В смысле образования». – «А-а! Ничего». Стали меня уговаривать поступать к ним на режиссуру. А я тогда что-то пописывал, отдал эти заметки и... поступил.

– Как это вы «пописывали», если, по вашим же словам, вы безграмотный?

– Я до сих пор писать грамотно не умею, а сочинить могу что угодно. И вообще, есть редактор, корректор – вот пусть они и исправляют ошибки. Им за это деньги платят. Мое дело – придумать. Тогда я написал сочинение на четверку. А уж потом во ВГИКе начались разные внутренние превращения. Я много раз хотел уйти, так как понимал: есть режиссеры, а есть я. И я к тем людям никакого отношения не имею. Я уже снял курсовую работу, а потом посмотрел «Покаяние». Шел с просмотра и думал, что завтра первым делом ворвусь в монтажную и порву снятую пленку к чертовой матери. Зачем я что-то пытаюсь сделать, когда все гениальное уже снято?

– Сейчас не жалеете, что не ушли?

– Каждый раз думаю об этом. Когда начал новую картину, бегал по конюшне, материл себя: «Куда ты опять, идиот, лезешь?» Ведь сначала надо все придумать, потом написать, потом убедить дать на это денег, потом снять... К концу своей ругани я пришел к выводу: все, пора думать о преподавательском статусе. Меня приглашал Марлен Хуциев сразу после института, потом в разные академии зовут – я ведь еще и академик. Но, честно говоря, я ничего в этом не понимаю.

– Как это вы ничего не понимаете, если вы академик?

– А это все математические выкладки, которые делают критики – у них ум так заточен. То, что критики говорят о моих картинах, я сам не понимаю. А они на самом деле не понимают того, что делаем мы, они не существуют внутри процесса. Но судить о том, что хорошо, а что плохо, – это их prerogative ума. А наша prerogative ума – делать то, о чем они потом будут судить. Не могу сказать, что то, чем я занимаюсь, подвиг, но что-то героическое в этом есть определенно. Когда жена смотрит, как я одеваюсь на зимние съемки – это нечто похожее на водолазный костюм для погружения, – она недоумевает: «Зачем это нужно, так над собой издеваться?» Я сам не понимаю, но я так живу. В этом есть своя прелесть и своя шизофрения. Но я по-другому уже не умею.

Лариса ДРАЧ.